

А.В.Бабич, главный специалист
А.М.Галич, ведущий специалист

БЕССМЕРТНЫЙ ГАРНИЗОН. (О "БАЯЗЕТСКОМ СИДЕНИИ" В ИЮНЕ 1877 г.)

К началу 70-х годов XIX в. значительная часть Балканского полуострова находилась под властью Османской империи. Турки безраздельно господствовали в Болгарии, Македонии, Боснии, Герцеговине, Албании, Эпире и Фессалии. Только Греция официально являлась независимым государством. Сербия и Румыния признавали сюзеренитет турецкого султана и платили ему дань. Черногория фактически завоевала самостоятельность, но не имела юридического статуса независимого государства. Освобождение от турецкого ига и образование независимых национальных государств являлось насущной и первоочередной задачей балканских народов, с которой сами они справиться не могли, несмотря на героическое сопротивление, оказываемое захватчикам.

24 апреля 1877 г. правительство Александра II Освободителя объявило войну Турции. 27 июня 1877 г. передовые части русских войск успешно форсировали Дунай и с боем овладели главным пунктом обороны противника городом Систовом. Население Болгарии восторженно встречало своих освободителей. Бок о бок с русскими солдатами сражались болгарские ополченцы и войска Румынии, провозгласившей 21 мая 1877 г. полную независимость. С запада на турецкую армию вели наступление Черногория и Сербия. На Кавказе русские довольно быстро овладели турецкой крепостью Карс, но на Балканах продвижение армии задержалось более чем на 4 месяца, в связи с тяжелыми и кровопролитными боями у крепости Плевна (Плевен). Лишь после трех штурмов и длительной осады крепость была взята (декабрь 1877). Стойкость и героизм русских солдат в суровых зимних условиях в боях у Шипки и в других сражениях этой войны принесли свободу балканским народам и покрыли неувядаемой славой русское воинство.

Одной из ярких страниц этой тяжелой и кровопролитной войны явилось событие, связанное с героической обороной Баязетской крепости в июне 1877 г. Событие это, имевшее место на Кавказском театре военных действий, достаточно подробно изложено не только военными историками А. Ламоновым и В. Толстовым, но также и самими защитниками цитадели. В нашу задачу входит попытка, опираясь на вышеуказанные источники, представить общую картину одного из выдающихся эпизодов русско-турецкой войны 1877-1878 гг.

В то время, когда главные силы русской армии были связаны на Балканах, кавказский театр ... Эриванский отряд, оставив в Баязетской цитадели гарнизон в составе 1-го батальона Ставропольского, 2-й роты Крымского пехотных, 2-й сотни Уманского и 25 человек Кавказского казачьих полков, 1-й сотни 2-го Хоперского полка и взвода батареи 19-й артиллерийской бригады (всего около 1500 штыков и сабель и два орудия), сам день ото дня уходил от Баязета далее и далее, вглубь неприятельской страны.

31 мая из Персии, от Макинского хана, поступило известие о появлении на реке Соук-су, в 40 верстах от Баязета, 30-тыс. турецкого корпуса с 12 орудиями, что подтверждали и лазутчики, посланные на разведку начальником гарнизона подполковником Пацевичем.

Для проверки слухов о появлении турецких войск и с целью разведать намерения противника, Пацевич провел несколько рекогносцировок: 3, 4 и 5 июня к стороне гор Вана и Диадина, в ходе которых, а именно 4 числа, хоперцы вступили в перестрелку с конными партиями курдов у сел. Инджи-су.

Вскоре партии курдов начали открыто появляться вокруг Баязета, что явно говорило о близком присутствии турецких войск. Виду сложившейся ситуации капитан Штоквич, комендант крепости, отдал приказ о приведении замка в оборонительное положение, для чего были забаррикадированы ворота, забиты окна, устроены амбразуры и сделаны закрытия для стрелков. Одновременно с этим приступили к заготовлению провианта, однако, к несчастью, с большим трудом удалось собрать лишь 356 пудов сухарей, да немного муки и ячменя; запас воды сделали из ручья протекавшего через замок. И это было все, чем располагал гарнизон на период осады.

Незадолго перед зарей рокового дня 6 июня 1877 г. подполковник Пацевич двинул четыре роты пехоты по ванской дороге с целью произвести тщательную разведку неприятельских сил.^{*} Две сотни уманцев прикрывали колонну с фронта и левого фланга; хоперцы шли справа, а в тылу следовали три сотни елисаветпольских милиционеров.

Вблизи сел. Инджи-су, в 18 верстах от Баязета, наш отряд неожиданно встретился с турецкими подразделениями в составе 3-х тыс. человек пехоты и кавалерии. Казачьи сотни смело вступили в перестрелку с передовыми частями противника, что заставило турок приостановиться, но Фаик-паша, накануне сосредоточивший все свои силы у Тепериза, послал им подкрепления в количестве 2 батальонов, 3 горных орудий и сотни курдов. Получив помощь, турки яростно набросились на малочисленный русский отряд, направив в обход его всю свою многочисленную кавалерию. Видя происходящее, подполковник Пацевич приказал отступить.

Отступление происходило под палящими лучами южного солнца и затруднялось сильно пересеченной и трудно проходимой местностью; солдаты падали от усталости и гибли под ударами курдских пик. Тем не менее, спешенным казакам и солдатам удалось образовать непрерывную стрелковую цепь и, время от времени, отбиваться от нападавших турок дружными залпами. В это время несколько эскадронов турецкой кавалерии под предводительством Гуссейн-аги, двинулись к гребню, лежавшему на пути отступления русского отряда. Командир хоперской сотни, войсковой старшина Кванин, руководивший боем на правом фланге, заметил этот маневр и предложил штабс-капитану Визирову занять гребень сотнями елисаветпольской милиции. Однако из этого ничего не вышло. Почувствовав себя на свободе, милиционеры двинулись прямо на Баязет.

Тогда, по приказу Пацевича, хоперцы и уманцы, которые, смешавшись с пехотой, вели перестрелку с турками, мало-по-малу собрались к своим коноводам и, сев на лошадей, быстро двинулись для противодействия неприятельскому обходу. Подполковник Пацевич, поручив дальнейшее управление боем войсковому старшине Кванину, отправился в Баязет с целью облегчить отступление нашего отряда и подготовить крепость к обороне.

Тем временем в Баязете занимались перевозкой имущества из города в цитадель. К 10 часам утра в крепость прибыли три сотни милиции Эриванского конно-иррегулярно полка под началом полковника Измаил-хана Нахичеванского, а в 11 часов из-за горы, со стороны Ванской дороги, послышался шум сражения, который усиливался с каждой минутой. Наконец, на гребне возвышенностей, окружающих Баязет с юга, показалась длин-

---

* Лазутчики сообщили, что в ущелье располагался небольшой отряд Ванского корпуса Фаик-паши.

ная черная линия отступавших русских войск, опоясанная белыми дымками. Первыми подошли к цитадели казаки, которые, поспешно сбатовав лошадей на кладбищенском кургане, служившем биваком, опять присоединились к отступавшему отряду вместе с двумя ротами крымцев, чтобы помочь ему огнем своих дальнобойных берданок.

Видя отчаянное положение отступавшего отряда, Штоквич немедленно дал приказ эриванской милиции двинуться на его поддержку. Приказ был своевременным, так как следом за нашей цепью, спустившейся вниз на 300-800 шагов, появились густые массы турецкой кавалерии, которая заняла оставленные отроги гор и начала осыпать наши войска градом пуль, бросаясь на пехотинцев и казаков по одиночке и большими толпами, подскакивая даже к самой цепи и стреляя в упор. Как только в цитадели заметили, что можно действовать из орудий, грянул выстрел, за ним другой, и две наши гранаты рассеяли своими осколками большую толпу курдов. Огонь наших орудий и удачный маневр милиционеров Измаил-хана Нахичеванского, отбивших залпами турецкую пехоту, стремившуюся обойти нас со стороны Кизил-дага – дали возможность нашему отряду, расстроенному и смешавшемуся после долгого отступления по трудной гористой местности, привести себя в должный порядок и начать более спокойное отступление.

Шаг за шагом, наш отряд отошел к городу и достиг цитадели. Только в воротах замка дело не обошлось без давки и лишних жертв, так как турки сосредоточили в этом пункте мощный ружейный огонь. Затем ворота закрылись и с этой минуты началась мужественная, полная высокого самоотвержения 23-х дневная оборона Баязета против вдесятеро превосходящего противника.

Баязет... Что представлял собой этот город в середине XIX века? Находясь в турецкой Армении (вилайет Эрзерум), у юго-восточного склона Арарата, близ русской и персидской границы, он занимал весьма живописное место на склонах Мама-дага. В центре города, на небольшом скалистом мысе, еще в XVII веке, одним из полунезависимых курдских владетелей, Исааком-пашей, на площади 1500 квадратных сажень, в стиле Мавританского замка, было воздвигнуто огромное здание, в силу местных условий получившее значение цитадели.

Замок состоял из ряда массивных двухэтажных каменных сооружений, имевших под собой ряд глубоких и обширных подземелий; сюда была проведена родниковая вода, вливающаяся в огромный бассейн-резервуар. До 1877 г. русские войска дважды входили в Баязет, нанося поражения турецким войскам...

После отступления русских войск в цитадель за воротами остались оседланные и сбатованные лошади казачьих сотен, которые падали и бились в предсмертных судорогах, поражаемые турецкими пулями. Войсковой старшина Кванин употребил все усилия, чтобы убедить подполковника Пацевича в необходимости дозволить казакам подобрать вещи и ввести в цитадель лошадей, однако это было уже невозможно. Сохранился рассказ участника Баязетского сидения, урядника ст. Кавказской Сергея Севостьянова, который, воспользовавшись моментом, пока носили камни к воротам, выбежал за пределы крепости и, несмотря на град турецких пуль, сумел спасти своего боевого друга.*

С наступлением сумерек пальба начала стихать. В это время у ворот появились пешие милиционеры, прося впустить их без лошадей. Но едва открыли ворота, как притаившаяся невдалеке неприятельская часть с криком рванулась в цитадель; ворота быстро хлопнули. Вечером этого же дня курды захватили в плен несколько казаков за стенами

---

* Кубанский сборник. Екатеринодар. 1910 г. Т. 15. С. 371.

крепости и умертвили их, а в ночь на 9 число они принялись неистовствовать в самом городе. Три ночи курды буйствовали, грабили и резали всех жителей, не разбирая пола и возраста. Город был опустошен и сожжен дотла. Трупы валялись грудями прямо на улицах и у стен цитадели, не спаслась и милиция, укрывшаяся в караван-сараяе. Город обезлюдел.

Гарнизон решил обороняться до последней крайности, уповая на выручку со стороны Эриванского отряда. С наступлением утра 7 июня защитники Баязета стали на свои места в ожидании приступа: ставропольцы обороняли преимущественно северный фас, действуя против старой крепости и армянской части города, крымцы занимали правый (южный) и задний фасы цитадели фронтом против нижнего города и высот в сторону ванской дороги; казаки трех сотен Эриванского полка группировались по крышам переднего (восточного фаса) и окнам второго этажа здания, отделявшего первый двор от второго, а по северному и южному фасадам находились уманцы перемешанные с крымцами и хоперцы со ставропольцами. Именно в эти минуты перед мужественным гарнизоном крепости грозно поднялся призрак будущих страданий и лишений, ожидавших наши войска. Прежде всего люди почувствовали жажду. Запас воды был крайне ничтожен, так как в первый же вечер неприятель отвел воду родника, снабжавшего бассейн цитадели. По этой причине около кадушки с водой поставили караул. Вода отпускалась защитникам крепости ничтожными порциями, дошедшими к 24 июня до одной деревянной ложки. Не лучше обстояло дело и с провиантом. Небольшой запас сухарей имелся лишь в некоторых частях, а хлеба и других продуктов было и того меньше. С 8 числа стали выдавать по одному сухарю в день.

Но и это было не все. Воздух вокруг крепости вскоре оказался насквозь пропитанным продуктами гниения трупов людей и лошадей, так что невозможно было дышать.

С момента осады и вплоть до освобождения гарнизона Эриванским отрядом, неприятель ежедневно производил по цитадели ожесточенный ружейный и артиллерийский огонь, забрасывая крепостные площадки снарядами и пулями. Турки настолько хорошо пристрелялись по крышам, окнам и крепостным дворам, что невозможно было выйти из здания, не подвергая свою жизнь опасности. Несколько раз турки начинали штурм, но, отражаемые русскими войсками, каждый раз вынуждены были безуспешно отступить на свои позиции.

Так, утром 8 июня, после часовой бомбардировки из горных орудий, отряды курдов ринулись к крепостным стенам. Вдруг над цитаделью, неожиданно для самих защитников, появился белый флаг. По гарнизону пронесся недовольный ропот, ибо никто не хотел добровольно сдаваться врагу. Офицеры пытались успокоить людей, уверяя, что о сдаче крепости не может быть и речи.

Тем временем что-то странное происходило внутри: флаг то появлялся, то исчезал... Вскоре курды заняли площадку перед воротами крепости, запрудив улицы Баязета неисчислимыми толпами, а турки уже выдвинули роту для приема парламентаров.

Однако в следующую минуту, появившийся на стенах крепости подполковник Пачевич, был сражен двумя выстрелами и белый флаг исчез. Тут же на стенах и бойницах появились защитники, открывшие ураганный огонь по столпившемуся неприятелю. Объятые паникой толпы осаждавших бросились назад и вскоре рассеялись. Штурм был отбит, но осада продолжалась.

Отрезанный от внешнего мира, окруженный со всех сторон во много раз превосходящими силами противника, обреченный на муки голода и жажды, баязетский гарнизон

стойко и мужественно держался в замке, отбивая атаки врага в течение 23 дней, честно и преданно исполняя свой воинский долг перед государем и Отечеством.

Казачьи отряды, менее стесняемые своим начальством, чем солдаты, чаще и охотней отправлялись на добычу воды, которой снабжали гарнизон; рискуя жизнью и, неся тяжелые потери, они спускались со стен, забирали у убитых турок ружья и патроны, бродили по опустевшему базару и брошенным домам, отыскивая продукты и скот, чтобы, вернувшись в замок, поделиться со своими товарищами.

Как это происходило в действительности можно узнать, обратившись к воспоминаниям участников "баязетского сидения". В частности урядник ст. Кавказской Кубанской области Сергей Севостьянов так описывает походы казаков за водой и провиантом.

" Жара стояла страшная от нагретых камней. Жажда невыносимая, на что угодно мы готовы были рискнуть ради капли воды. Близ крепости протекал ручей, - соблазн велик; раненые товарищи просят "водицы" и их запекшиеся губы, произнося едва слышное слово "водицы", заставляли нас плакать.

Моя команда решила достать воды. Казак Яков Сотников (ст. Казанской), предложив пойти в опасный путь – дорогу, сказал: "хоть воды напьюсь, а там что Бог даст: убьют – тяжелее не будет, нет сил дальше томиться и ждать голодной смерти". – Связали мы свои вьючные веревки в одну длинную, Сотников на одном конце ее сделал петлю для ступени ноги, чтобы быть в положении "стоя" и через отверстие ретирадного места был опущен нами по крепостной стене, высотой около 12-15 аршин, причем дали ему небольшой бурдючек, ведра в два.

Течение ручья открыто наблюдению турок, но в изгибах закрыто. Наблюдаем: Сотников ползет по "ерику", турки не видят его, но на пути к воде небольшая лощина, он вылез на нее, но как турки сделали несколько выстрелов, пули подняли пыль вокруг него, Сотников лежит недвижим. Ну, думаем, успокоился на веки. Так прошло несколько секунд, Сотников двинулся вперед, опять залп по нем. Бог хранит его и в этот раз: он у ручья, скрылся с глаз турок. По течению ручья выше и ниже лежали разлагавшиеся трупы человеческие и животных, от воды несло смрадом, но это не помешало Сотникову утолить свою жажду и потом набрать воды в бурдюк. Теперь в сознании Сотникова явилось желание жить, а не умирать. Но как идти обратно? Лощину миновать нельзя, жизнь опять на волоске. Видим, Сотников стал на колени, Богу молится, подает голос и нам, просили и мы Бога спасти жизнь Сотникову – мы плакали. Сотников лег на живот, ползет, сбоку его движется и бурдюк.

Вдруг залп. Сотников покрыт пылью, но, пользуясь ею, быстро вскочил, приблизился к ерику и скрылся от выстрелов; слезы радости облегчили наши сердца. Мы втащили Сотникова обратно в крепость; наша радость полна была за жизнь его; но бурдюк-то оказался не полным, он был прострелен и часть воды утекла, но все-таки осталось ее столько, что мы утолили жажду, уделив воды и раненым.

Неустршимый пример Сотникова толкнул на это и других казаков и солдат, но только в ночную пору. Добытую воду сливали в запас, а днем делили ее по столовой ложке в сутки.

Таким путем делали вылазки в город, откуда, иногда, приносили муки, из которой варили галушки, один раз удалось принести двух коз, но такая добыча – капля в море. Скоро потерялись веревки о камни, были случаи, что веревки обрывались и люди разбивались о камни" ...

Однако так долго продолжаться не могло. Необходимо было срочно информировать генерала Тергукасова о бедственном положении баязетского гарнизона. На призыв полковника Измаил-хана Нахичеванского первым откликнулся хоперек из ст. Удобной, Нестор Кирильчук. Переоблачившись в одежду одного из пленных и обрив голову, он взял у полковника записку к начальнику Эриванского отряда и вместе с проводником армянином Тер-Погосовым, вечером 10 июня, был спущен со стен крепости на отвозах. С тех пор о нем не было никаких известий. По рассказам очевидцев записка, врученная Кирильчуку, была доставлена генералу Тергукасову проводником-армянином.

Между тем в Эривани, особенно на границе, уже давно носились тревожные слухи о появлении турок у Баязета, поэтому к 10 июня на Чингильском перевале, под начальством генерал-майора Кельбали-хана Нахичеванского (брата находившегося в Баязете Измаил-хана), был сосредоточен отряд в составе 4-х рот, 1,5 сотен казаков, 200 милиционеров и ракет. 12 июня отряд спустился с Агры-дага и, переночевав у сел. Карабулаха, на следующий день направился на выручку баязетского гарнизона. Однако попытка оттеснить турок от города закончилась неудачей из-за малочисленности чингильского отряда, который вынужден был отступить.

Неудача произвела тяжелое впечатление на осажденных. Вновь потянулись мучительные, полные отчаяния и тоски дни баязетской осады... 21 июня было получено известие, что генералу Тергукасову известно положение гарнизона, он просил защитников продержаться еще два-три дня. Прошло три дня, а помощи все не было... Турки несколько раз предлагали гарнизону сдаться, но каждый раз получали решительный отказ. Измаил-хан вновь собрал охотников с целью пробраться в Игдырь и сообщить о горсти русских воинов, томившихся в осаде.

На вызов откликнулся вахмистр хоперской сотни Сиволобов из станицы Суворовской и по его выбору два уманских казака – Цокура и Шепель. Получив от начальника гарнизона записку, они, в ночь с 23 на 24 июня, вместе с командой, вышедшей за водой, спустились к реке и пошли по ее течению. Вскоре они наткнулись на турецкий патруль, однако казакам удалось спрятаться в небольшой сакле и там переждать.